

ПОЛЕ БОЯ НА ЛОНЕ ПРИРОДЫ: ОТ КАКОГО НАСЛЕДСТВА МЫ ОТКАЗЫВАЛИСЬ

Люди советской науки хорошо знают, что развитие предполагает появление нового из старого, одних форм из других. А все теории наследственности, построенные по принципу «плоть от плоти», или «хромосома от хромосомы», или «ген от гена», приводят к выводу, что нового на свете ничего не появляется, что все на свете дано изначально. Отсюда — бессилие таких знаний в управлении развития организмов, отсюда — вредность таких знаний для людей практики.

Трофим Лысенко. О путях управления растительными организмами (1940)

Каждый воспитанный нами человек — это продукт нашего педагогического производства. И мы, и общество должны рассматривать наш продукт очень пристально и подробно, до последнего винтика. Как и во всяком другом производстве, у нас возможен выпуск прекрасной продукции, только удовлетворительной, только терпимой, наконец, условного брака, полного брака. ...Наш основной материал — дети — неизмеримо разнообразен. Спрашивается, сколько процентов этого материала годится для воспитания «человека, полного инициативы», — 90? 50? 10? 0,05? А на что пойдет остальной материал?

Антон Макаренко. Опыт методики работы детской трудовой колонии (1932)

— Администрация говорит, что ты стоял и думал среди производства, — сказали в завкоме. — О чем ты думал, товарищ Воцев?

— О плане жизни...

— Ну и что ж ты бы мог сделать?

— Я бы мог выдумать что-нибудь вроде счастья, а от душевного смысла улучшилась бы производительность.

— Счастье произойдет от материализма, товарищ Воцев, а не от смысла. ...Если все мы сразу задумаемся, то кто действовать будет?..

— Всё живет и терпит на свете, ничего не сознавая, — сказал Воцев.... — Как будто кто-то один или несколько немногих извлекли из нас убежденное чувство и взяли его себе.

Андрей Платонов. Котлован (1930)

В начале 1920-х годов, вскоре после Октябрьской революции, несколько русских этнографов опубликовали небольшую книгу очерков, объединенных заголовком «Старый и новый быт». Используя материалы экспедиций по деревням русского Севера, исследователи попытались зафиксировать изменения повседневной жизни за пределами крупных городов. Одна из статей приводит следующую частушку:

Ничего я не боюсь
И ничем не дорожу,
Если голову отрежут,
Я другую привяжу¹.

Логика частушки причудливо, но вместе с тем и вполне предсказуемо обозначила параллелизм перемен данного периода. Отсутствие иерархии ценностей, их неразличаемость и взаимозаменяемость, увязывается — по крайней мере, дискурсивно — с аналогичной неразличаемостью и взаимозаменяемостью индивида, призванного эти ценности олицетворить, — в данном случае в буквальном смысле этого слова.

Разумеется, подобный взгляд на мир был свойственен не только крестьянам русского Севера. В 1931 году о сходном отсутствии установленного порядка вещей, об отсутствии быта — то есть той самой рутины, фундаментальная роль которой в структурировании индивидуальной жизни наиболее очевидна лишь в момент ее распада, — писал, например, и Роман Якобсон. Именно отсутствие обустроенной личной жизни становится для лингвиста важнейшей чертой первого советского поколения.

Мы слишком порывисто и жадно рванулись к будущему, чтобы у нас осталось прошлое. Порвалась связь времен. Мы слишком жили будущим, думали о нем, верили в него, и больше нет для нас самодовлеющей злобы дня, мы растеряли чувство настоящего. Мы — свидетели и участники великих социальных, научных и прочих катаклизмов. Быт отстал... Мы знаем, что уже помыслы наших отцов были в разладе с их бытом. Мы читали суровые строки о том, как брали отцы напрокат старый, непроветренный быт. Но у отцов еще были остатки веры в его уютность и общеобязательность. Детям осталась одна обнаженная ненависть к еще поизносившейся, еще более чуждой рухляди быта. И вот «попытки устроить личную жизнь напоминают опыты с разогреванием мороженого»².

Используя в качестве отправной точки идею Якобсона о растроченном «чувстве настоящего», сопровождаемом провалом опытов по обустройству «личной жизни», в данной работе я хочу проследить, каким образом сходное ощущение отсутствия какого бы то ни было «порядка вещей» и «убежденного чувства» и осознание «разлада с бытом» отразились в публичной риторике 1930-х годов в текстах писателя Максима Горького (1868—1936), агробиолога Трофима Лысенко (1898—1976) и педагога-литератора Анто-на Макаренко (1888—1939).

1 Тан В. Старый и новый быт // Старый и новый быт / Под ред. В. Тан-Богораз. Л.: Госиздат, 1924. С. 18.

2 Якобсон Р. О поколении, растратившем своих поэтов // Jakobson Roman. Selected Writings. Vol. 5. N.Y., 1979. P. 381. Ср. с выдержкой из выступления Бухарина в Большом театре на торжественном собрании, посвященном четвертой годовщине смерти Ленина (1928): «Мы, например, буржуазно-мещанскую мораль уничтожили, мы ее по косточкам разложили, она сгнила у нас под руками, но сказать, что мы построили собственные нормы поведения, такие, которые бы соответствовали нашим задачам, еще нельзя... В области быта, в области норм, регулирующих отношения между людьми, в области искусства и в целом ряде других областей, которые по существу дела и составляют то, что называется «духовной культурой», мы еще не «построились», а в некоторых областях у нас нет еще и черного чертежа постройки» (Бухарин Н. Революция и культура: Статьи и выступления 1923—1936 гг. М.: Фонд им. Н. Бухарина, 1993. С. 134).

Рис. 1. Новый порядок вещей. Подпись под фото в оригинале: «На крестах старой Карелии провода, как знамя социалистического наступления» (Беломорско-Балтийский канал им. Сталина. История строительства. Под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. М.: Госиздат «История фабрик и заводов», 1934).

БЫТИЕ ВОВНЕ: ВНЕАХОДИМОСТЬ

Интерес к классическим текстам довоенного социализма обусловлен, разумеется, не только их собственной исторической и риторической спецификой. Скорее, он связан с попыткой локализации этих работ в рамках более широкого контекста. На мой взгляд, «ускоренная модернизация» между двумя мировыми войнами, в ходе которой был сформирован и Советский Союз, и «советский человек», во многом обнажает те «двусмысленности, противоречия, использование силы, а также те трагедии и парадоксы», которые обычно остаются за пределами списка классических характеристик, традиционно связанных с понятием «современность» (*modernity*)³.

3 См.: Chakrabarty D. Postcoloniality and the Artifice of History: Who Speaks for «Indian» Past? // A Subaltern Studies Reader, 1986—1995 / Ed. R. Guha. Minneapolis, 1997. P. 228.

В текстах, о которых пойдет речь ниже, «современность» возникает не только как серия «великих социальных, научных и прочих катаклизмов»⁴, направленных на полную замену уже сложившихся порядков, привычек и форм жизнедеятельности и жизнеорганизации. Наряду с этим «ускоренная модернизация» российского общества реализуется в форме фундаментальной подмены, при которой принципиальная для современности «технология производства себя» (*technology of the self*), о которой не уставал говорить Мишель Фуко, оказывается подмененной просто *технологией*⁵.

Как известно, у Фуко под технологиями (производства) себя понимается «определенный набор операций над телами, душами, мыслями, поведением и формой жизнедеятельности (*way of being*)», благодаря которым индивиды — самостоятельно или с помощью других индивидов — «подвергают себя трансформации в целях достижения определенного состояния счастья, чистоты, мудрости, совершенства или безнравственности»⁶. Принципиальным в этом понимании процесса «самовыстраивания»⁷ является тесная взаимосвязь между истиной и запретом. Субъект, собственно, и возникает в результате герменевтических практик, то есть в процессе определения своего отношения к норме: «знание себя» служит оправданием практикуемых самоограничений⁸.

4 Якобсон Р. Цит. соч. С. 381.

5 Различные подходы к обсуждению взаимосвязи идентичности и современности см., например: *Bauman Z. Intimations of Postmodernity*. L.: Routledge, 1992; *Chakrabarty D. Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton: Princeton University Press, 2000; *Foucault M. What is Enlightenment?* // Foucault M. *Ethics. Subjectivity and Truth. The Essential Works of Michel Foucault. 1954–1984. Vol. 1* / Ed. by P. Rabinow. N.Y.: The New Press, 1997. P. 303–319; *Harootyan H. History's Disquiet: Modernity, Cultural Practices, and the Question of Everyday Life*. N.Y.: Columbia University Press, 2000; *Ivy M. Discourses of the Vanishing: Modernity, Phantasm, Japan*. Chicago: The University of Chicago Press, 1995; *Lefebvre H. Everyday Life in the Modern World*. New Brunswick: Transaction Publishers, 1984; *Siegel J. Fetish, Recognition, Revolution*. Princeton: Princeton University Press, 1997; *Taylor Ch. Modernity and Identity* // *Schools of Thought: Twenty-Five Years of Interpretative Social Science* / Eds. J.W. Scott, D. Keates. Princeton: Princeton University Press, 2001. О современности и технологии см.: *Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996; *Goux J.-J. Symbolic Economies After Marx and Freud*. Ithaca: Cornell University Press, 1990; *Kittler F. Discourse Networks 1800/1900*. Stanford: Stanford University Press, 1990; *Idem. Gramophone, Film, Typewriter*. Stanford: Stanford University Press, 1999; *Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization*. Berkeley: California University Press, 1995; *Weber S. Mass Mediauras: From Technics Media*. Stanford: Stanford University Press, 1996.

6 *Foucault M. Technologies of the Self* // Foucault M. *Ethics. Subjectivity and Truth...* P. 225.

7 См.: *Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности*. Т. 2. М.: Академический проект, 2004. С. 53.

8 *Foucault M. Technologies of the Self*. P. 224; см. также: *Foucault M. The Political Technology of Individuals* // Foucault M. *Power. The Essential Works of Michel Foucault. 1954–1984. Vol. 3* / Ed. by J. Faubion. N.Y.: The New Press, 2000.

В отличие от практик самоопределения, проблематизированных в работах Фуко, советская риторика модернизации и современности может быть понята как набор дискурсивных аппаратов, использованных для компенсации того самого порядка вещей, который еще должен быть определен, для компенсации того самого быта, который «отстал». В этой статье я попытаюсь показать, как неопределенность и нестабильность социальных норм в раннем советском обществе, как это ощущение «бессюжетной» жизни, разбитой вдребезги⁹, были отождествлены с неопределенностью и нестабильностью окружения вообще и природы в частности.

В своем сравнительном исследовании процессов модернизации Маршал Берман справедливо заметил, что подобная — компенсаторная — модель производства современности является характерной чертой для обществ, которые, находясь в стороне от мирового рынка товаров и финансов, вместе с тем испытывают сильное стремление стать (или видеть себя) его частью. Разрешение конфликта между условиями и стремлениями, однако, проявляется не столько в «оптимизации» исходных условий, сколько в трансформации смысла «современности», который становится здесь «сложнее, неуловимее, парадоксальнее»¹⁰. Соответственно, и модернизация из процесса *обновления* сложившегося порядка превращается в процесс *управления рисками*. «Модернизация-как-рутина» (*modernization as routine*) подменяется «модернизацией-как-приключением» (*modernization as adventure*). Берман описывает это так:

Модернизм недоразвитости вынужден опираться на фантазии и мечты современности (modernity), подпитываясь одновременно и близостью к миражам и химерам, и борьбой с ними. Такой модернизм вынужден оставаться резким, неуклюжим, рудиментарным (inchoate), чтобы соответствовать той жизни, которая его породила. Замыкаясь в себе, модернизм недоразвитости либо подвергает себя самобичеванию за неспособность единолично вершить историю, либо поддается экстравагантному стремлению взвалить на себя всю тяжесть мировой истории... Западный модернизм, уютно расположившись в своем мире, вряд ли может составить конкуренцию модернизму недоразвитости, с его раскаленным добела отчаянием, вызванным и той странной действительностью, благодаря которой он стал возможен, и тем невыносимым социальным, политическим, но также и духовным давлением, в рамках которого модернизм недоразвитости существует¹¹.

В отличие от Бермана, меня интересует не столько степень сочетаемости разных «современностей», сколько та специфическая субъектность, благодаря которой «модернизм недоразвитости» в советской России стал возможен. На примере журналистики Горького, агробиологических работ Лысенко и педагогических текстов Макаренко я хотел бы продемонстрировать, что общий акцент на *внешней* деятельности, проявившийся в стремлении нового строя «овеществить», материализовать себя в многочислен-

9 См.: *Шкловский В. К технике внесюжетной прозы* // Литература факта: Первый сборник материалов работников ЛЕФа / Ред. Н. Чужак. М.: Захаров, 2000; *Шкловский В. Сентиментальное путешествие*. М.: Геликон, 1923. С. 188.

10 *Berman M. All that is solid Melts into Air: The Experience of Modernity*. N.Y.: Simon and Schuster, 1982. P. 174.

11 *Ibid.* P. 243.

ных «стройках века», во многом был связан с появлением «человека “без мозолей в мозге”», по определению М. Горького¹², с появлением «полых людей»¹³, людей с аффектами, но без репрезентаций¹⁴. Обращаясь к писателям — ударникам труда, Горький так характеризовал этот антропологический тип:

Возьмите крестьянина, поставьте его на Магнитострой, на Сельмаш, на АМО, на Электросталь, — поставьте перед всеми этими процессами производства и догадайтесь, изучите, расскажите, что он должен переживать. Он не в состоянии это выразить словами, все это для него ново и загадочно, более загадочно, чем то, чем жили его предки¹⁵.

Субъектность «модернизма недоразвитости», на мой взгляд, во многом определяется именно этой дискурсивной несостоятельностью, точнее — дискурсивным смещением, при котором невозможность в прямом смысле слова «выразить себя» подменяется подробным описанием бесчисленных магнитостроев, сельмашей и электросталей. Вопрос о самовыстраивании, таким образом, оказывается в тени вопроса о производственных стройках.

Подобная *поставленность* «перед процессами производства», с одной стороны, оказывается одной из немногих доступных социальных позиций, способных придать «строителю нового мира» тот самый смысл и то «убежденное чувство», о которых писал А. Платонов. В то же время использование «производства» в качестве основного — если не единственного — объекта воображаемых и материальных инвестиций стало стратегией «репрезентационного выживания»¹⁶, при помощи которой «свежие люди, вышедшие на дорогу истории»¹⁷, преодолели своеобразный кризис норм и способов символизации в начале советского времени.

Непонимание того, что могут и должны представлять собой «новые советские люди», было вытеснено детализированной картиной социального контекста, в котором пустые означающие полых людей могли бы приобрести свое смысловое наполнение. Неспособность очертить конфигурации «семьи и школы», воплощающие суть новых социальных отношений, подменили подробные чертежи и планы тех зданий, в которых и семья, и школа могли бы со временем появиться.

Призывы Горького «объявить природе бой» и создать вторую — *рациональную* — природу-культуру, попытки Лысенко «расшатать» наследствен-

12 Горький М. Беседа с молодыми // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 27. Статьи, доклады, речи, приветствия. 1933–1936. М.: ГИХЛ, 1953. С. 227.

13 Элиот Т. Полые люди. М., 2000. Я благодарен Марии Литовской за обсуждение этого термина.

14 См.: Green A. Life Narcissism Death Narcissism. L., 2001. P. 112.

15 Горький М. Беседа с писателями — ударниками труда по вопросу, предложенным рабочим редакционным советом ВЦСПС, 1931 г. // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 26: Статьи, речи, приветствия. 1931–1933. М.: ГИХЛ, 1953. С. 76.

16 Ivy M. Mourning the Japanese Thing // In Near Ruins: Cultural Theory and the End of the Century / Ed. N.B. Dirks. Minneapolis: Minnesota University Press, 1998. P. 97.

17 Козлова Н. Горизонты повседневности советской эпохи (голоса из хора). М., 1996. С. 190.

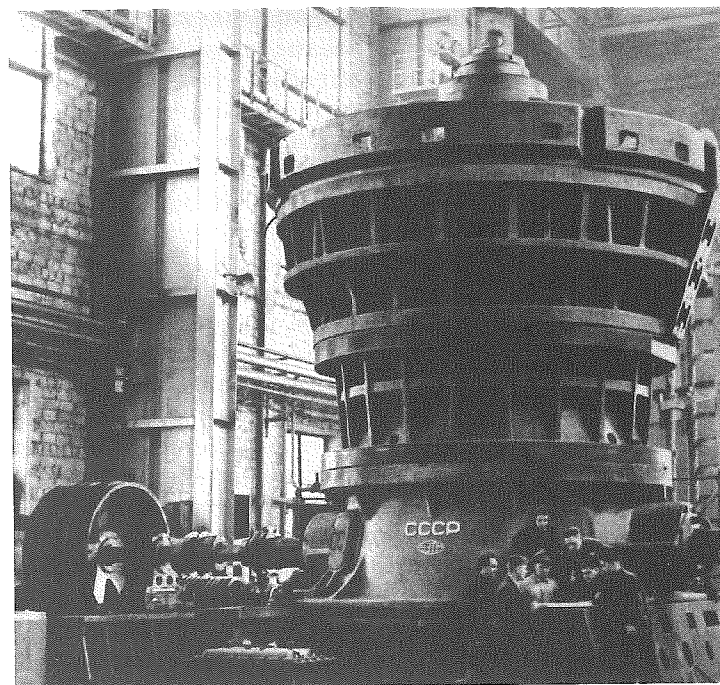

Рис. 2. Поставленность перед процессами производства. Рабочие Уралмаша (Свердловск в фотографиях. Ред. И. Давыдова. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1965).

ность живых организмов в условиях контролируемой среды и, наконец, педагогические опыты Макаренко по «проектированию» соответствующего социального окружения для новой личности — все это хорошо демонстрирует, как именно детально прописанный *контекст* существования становится синонимом самого существования. «Внешние условия» и субъектность оказываются слитыми, сплавленными, отождествленными.

Привлекая внимание к хорошо известным текстам советского периода, мне меньше всего хотелось бы в очередной раз продемонстрировать все-таки советского строя в процессе оформления, формирования или уничтожения советского субъекта¹⁸. Скорее, я бы хотел видеть в фигуре «по-

18 Подробнее о раннесоветском субъекте см.: Козлова Н. Цит. соч.; см. также: Halfin I. From Darkness to Light: Class Consciousness and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000; Idem. Looking into the Oppositionists' Souls: Inquisition Communist Style // The Russian Review. Vol. 60. P. 316–339; Hellbeck J. Fashioning the Stalinist Soul: The Diary of Stepan Podlybnyi (1931–1939) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Vol. 44. P. 344–373; Idem. Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts // The Russian Review. Vol. 60. P. 340–359. Обсуждение работ Халфина и Хеллбека см.: Ab Imperio. 2002. Vol. 3. P. 209–418. Несколько иной подход к проблеме советского субъекта см.: Хархордин О. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М.: ЕУСПб; Летний сад, 2002; Brockdorff H.H. The Individual and Collective: A Cultural Approach to the Question of Dualism in Soviet Society // Soviet Civilization Between Past and Present. Odense: Odense University Press. P. 147–164.

лого человека» естественное продолжение того ряда социальных типажей современности, который составили «революционер» Маркса, «денди» Бодлера, «сверхчеловек» Ницше, «ученый-обществовед» Вебера, «чужой» Зиммеля, «человек без свойств» Музиля и «фланёр» Беньямина¹⁹. «Полый человек» советской современности, на мой взгляд, стал ярким примером стремления политических режимов опираться на то, что Джорджо Агамбен — вслед за Мишелем Фуко — называл «биополитическим телом», «голой жизнью» (*bare life*), при которой зависимость от защитного слоя «второй природы» особенно ощутима²⁰.

Понятно, что «полый человек» раннего социализма был продуктом вполне конкретного исторического периода. Высокий уровень миграции, усиленный Первой мировой и гражданской войнами, физические потери среди населения, массовое перераспределение промышленной и индивидуальной собственности, высокие темпы индустриализации — все это за крайне короткое время радикально изменило состав и конфигурацию социальной ткани советского общества²¹. В течение двух первых десятилетий советской власти ряд городов прошел путь от полного упадка до бурного, ускоренного роста. За 1917—1920 годы численность населения Петрограда, например, снизилась с 2,3 миллиона до 740 тысяч человек. Однако к 1939 году население города достигло 3,4 миллиона²². Большинство «новых горожан» составили «бывшие» крестьяне: 62% общего числа поселившихся в Ленинграде в 1926—1939 гг. были выходцами из деревень²³. Мощная волна урбанизации значительно изменила и возрастной состав социальных групп и институтов. Перепись, проведенная в 1926 году, зафиксировала, что почти половина всех рабочих и ровно половина всей правящей элиты страны («руководящие работники») были не старше 30 лет²⁴.

Понятно, что в данном случае важны не сами демографические характеристики, но культурные установки и ожидания этих «свежих людей». В своем исследовании дневников и писем 1920—1930-х годов антрополог Наталья Козлова отмечала, что одним из наиболее заметных последствий подобных демографических сдвигов стало практически всеобщее стремление к уп-

19 См.: Gaonkar D. On Alternative Modernities // *Alternative Modernities* / Ed. D. Gaonkar. Durham: Duke University Press, 2001. P. 3.

20 См.: Agamben G. *Homo Sacer: Sovereign and Bare Life*. Stanford: Stanford University Press. P. 117. См. также: Козлов С. Репрезентация смерти. Джорджо Агамбен: философ, пришедший после // НЛО. 2000. № 44.

21 О темпах изменений, например, могут свидетельствовать такие цифры: городское население СССР в 1929—1931 годах ежегодно увеличивалось на 1,6 млн., в 1931—1933-м — на 2,04 млн., в 1933—1939-м — на 2,34 млн. человек (Изменения социальной структуры советского общества (1921 — середина 1930-х годов). М.: Мысль, 1979. С. 193).

22 Степанов З. Культурная жизнь Ленинграда 20-х — начала 30-х годов. Л.: Наука, 1976. С. 9. Число рабочих города возросло с 71 тыс. в 1922 году до 532 тыс. в 1931-м (Витухновская М. «Старые» и «новые» горожане: мигранты в Ленинграде 1930-х годов // *Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России, 1920—1930-е годы* / Ред. Т. Вихавайнен. СПб.: Нева, 2000. С. 104—105).

23 Изменения социальной структуры советского общества... С. 193.

24 Там же. С. 27, 169.

рошению — от социальных норм и моделей поведения до грамматических конструкций. Например, один из авторов журнала «Молодая гвардия» писал в 1930 году: «Обучение орфографии, оставленной русскому пролетарию его классовыми противниками... обходится пролетарскому государству очень дорого, отнимает у трудящихся миллиарды часов на бессмысленную работу по правописанию...»²⁵ Попытки организовать быт, образование, экономику и культуру на более эффективных основаниях нередко порождали структуры с минимальным, ограниченным числом внутренних элементов и связей. Подобно пролетариату из романов Андрея Платонова, «свежие люди» были обязаны «за всех всё выдумать и сделать вручную вещь долгой жизни»²⁶.

Упрощающий характер этого производства «вручную вещь долгой жизни», однако, не стоит сводить к ограниченности «свежих людей»²⁷. На мой взгляд, предпочтительнее рассматривать подобные процессы в виде еще одного примера «тактик», о которых писал в свое время французский антрополог и социолог Мишель де Серто. В отсутствие понятной системы координат, ценностей и норм социальных отношений индивид вынужден полагаться на использование «возможностей», которые не только присутствуют в данное время и в данном месте, но — что важнее — которые являются *доступными* в незнакомом контексте²⁸. Если «ограниченность» есть проявление определенной *стратегии* отказа, следствия определенно-го *выбора* между разными возможностями («нам и так хорошо»), то упрощение, скорее, свидетельствует о тактических попытках «приспособить», «перевести» неизвестные явления на язык уже знакомых образов и моделей поведения. Упрощение, таким образом, есть вынужденная тактика в условиях отсутствия культурной стратегии²⁹. Как справедливо подытожила Наталья Козлова, со «свежих людей» «не содран культурный (или цивилизационный?) слой, как многим казалось, они его не нарастили»³⁰. Собственно, о наращивании этого культурного слоя, о практиках «сплош-

25 Цит. по: Козлова Н. «Свежий» человек на дорогах истории и в науке: о культурно-антропологических предпосылках «новой науки» // *Теория и жизненный мир человека* / Под ред. В.Г. Федотовой. М., 1995. Электронный вариант: <http://www.philosophy.ru/iphras/library/fedotova.html>. Подробнее о реформах языка и языковом поведении после революции см.: Gorham M.S. *Speaking in Soviet Tongues: Language Culture and the Politics of Voice in Revolutionary Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003.

26 Платонов А. Котлован // Платонов А. Взыскание погибших: Повести. Рассказы. Пьеса. Статьи / Сост. М. Платонова. М.: Школа-Пресс, 1995. С. 186.

27 См. в качестве примера подобного подхода: Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 1990-х гг. / Под ред. Ю. Левады. М., 1993.

28 Certeau Michel de. *The Practices of Everyday Life*. Berkeley: University of California Press, 1984. P. 36—37.

29 Широкое распространение бартера в постсоветский период является структурно сходным примером использования в тактических целях упрощенных форм взаимоотношений в ситуации, когда общие принципы функционирования экономики оставались неясными. См., например: Humphrey C. *The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies After Socialism*. Ithaca: Cornell University Press, 2002. P. 5—21. Обсуждение «тактического подхода» в условиях позднесоветского времени см. в моей статье: Oushakine S. *Crimes of Substitution: Detection in Late Soviet Society* // *Public Culture*. 2003. Vol. 15 (3). P. 426—452.

30 Козлова Н. Горизонты повседневности советской эпохи... С. 70.

ного изобретательства» в ситуации отсутствия «чертежей, технологий и оборудования» и пойдет речь дальше.

Советская правозащитница Раиса Орлова, вспоминая о своей юности в 1930-е годы, писала в мемуарах:

Неуемная жажда деятельности, прежде всего участвовать, участвовать во всем. Все наше, мое кровное, какие тут могут быть думы, какие сомнения? Я жадно училась, читала все, что требовалось по программе, занималась общественной работой в институте, почти всеми видами спорта. Но этого было мало: мы с друзьями собрались писать историю советской школы, ходили на прием к наркому просвещения Бубнову... к секретарю ЦК ВЛКСМ Косареву... в «Комсомольскую правду» и в «Литгазету». Писали о взаимоотношениях профессоров и студентов; ездили в подшефный колхоз.

Надо было зарабатывать, и мы составляли сборник высказываний Марата; подбирали нужные цитаты для книги «Ленин и Сталин о технике»; писали внутренние рецензии на стихи графоманов.

Студенткой третьего курса я начала преподавать в школе в девятых классах.

И все казалось мало, надо было больше, надо было уехать из Москвы — здесь слишком обычное существование. А нам необходимо было необычное — перелет, полос, Комсомольск. Бежать, торопиться, не затеряться в тылу. Ни времени, ни сил не оставалось на вопросы, на жизнь духа. Да и нужна ли она?..

И чуть дальше:

...Я была непоколебимо уверена: здесь, в этих старых стенах, лишь подготовка к жизни. А сама жизнь начнется в новом, сверкающем доме; там я буду по утрам делать зарядку, там будет идеальный порядок, там начнутся героические свершения.

Большинство моих сверстников — в палатках ли, в землянках, в коммунальках или в хороших по тем понятиям отдельных квартирах — все равно жили начерно, временно, наспех. Скорее, скорее к великой цели, а там все начнется по-настоящему.

Все должно и можно изменять: улицы, дома, города, социальный строй, человеческие души. И все это несложно: сначала бескорыстные энтузиасты на бумаге чертят план. Потом ломают старое... потом очищают землю от обломков и на расчищенной земле воздвигают фаланстер...³¹ В витринах на улице Горького каждый праздник выставляли планы новой Москвы. Планы эти превращались на наших глазах в новые дома.³²

Воспоминания Орловой хорошо обозначают ту комбинацию одновременных процессов, благодаря которым формировался «полый человек» начала советской эпохи. Субъектность, прежде всего, есть следствие «жажды деятельности», есть итог «участия» в событиях и явлениях, происходящих *вовне, за пределами «старых стен»*. Однако попытки найти для «жажды деятельности» приемлемую форму, то есть попытки локализовать «себя» в

31 Любопытно, что в книге о волжских ткачах, вышедшей в 1935 году в серии «История фабрик и заводов», «фаланстерниками» называли членов коммуны, совместно строивших свое жилье. См.: Федорович В. Волжские ткачи: Фабрика Красный Перекоп. Т. 2. М.: Государственное издательство «История заводов», 1935. С. 352.

32 Орлова Р. Воспоминания о непрошедшем времени. М.: Слово, 1993. (1-е изд. — 1961). С. 22, 36—38. Обсуждение мемуаров Орловой см.: Fitzpatrick S. Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Russia in the 1930s. N.Y.: Oxford University Press. P. 69.

том или ином процессе, заканчиваются лишь удлинением цепи навязчивых действий («надо было больше», «надо было уехать»). Единственной целью этих действий, судя по всему, было отметить их *смену*, отметить *переход* от одного объекта к другому³³. И тем не менее именно возможность целенаправленного скольжения от одного «катаклизма» к другому — «перелет, полос, Комсомольск», — именно возможность бесконечной замены старых «улиц, домов, городов, социального строя, человеческих душ» на «новые» позволяли избегать вопросов и о цели этой жизни «начерно, временно, наспех», и о целесообразности всеобщей изменчивости.

Мемуары Орловой привлекают внимание и еще к одному важному аспекту. Превращению ландшафта в *места памяти*³⁴ — то есть наделению этих мест идентификационной, повествовательной и референциальной силой³⁵ — предшествует процесс буквального строительства этих мест. Мемориализация и идентичность становятся в данном случае (побочным) продуктом материального производства, итогом «процесса самооборудования»³⁶.

Как объяснить эту «неуемную жажду деятельности», эту тягу «участвовать во всем»? Как понять это стремление найти «совершенные» параметры, способные и локализовать идентичность, и придать ей определенную степень измеримости? Что может рассказать о советском субъекте в частности и субъекте современности в целом это страстное желание обнаружить во всем «кровное» родство, это страстное стремление найти/создать совершенный «объект», с которого можно было бы начать «новую, настоящую жизнь»?

В определенной степени ранние работы Михаила Бахтина дают ответ на поставленные вопросы. В 1920-х годах философ активно апеллирует к идее *внеаходимости* как неперемennomу условию понимания, отмечая, что «биографическая целостность образа никогда не может стать предметом собственного опыта»³⁷, что «подлинная наружность» человека может быть увидена и понята лишь другими — в силу их пространственной внеаходимости³⁸. В работе «Автор и герой в эстетической деятельности» Бахтин сформулировал суть проблемы следующим образом:

33 В одной из своих статей, посвященных бессюжетной прозе, Виктор Шкловский отмечал, что в условиях отсутствия четкой повествовательной структуры, способной поддерживать произведение при помощи постепенного развития «темы», наиболее простым выходом является «метод передвижения точки рассказывания», пространственное или временное путешествие. В данном случае определяющим становится не столько *логика* и *мотивация* самого перехода от объекта к объекту, сколько особенности самих объектов (Шкловский В. К технике внесюжетной прозы. С. 232).

34 См.: Nora P. General Introduction: Between Memory and History // Realms of Memory: Rethinking the French Past / Under direction of Pierre Nora. Ed. Lawrence D. Kritzman. Trans. Arthur Goldhammer. N.Y.: Columbia University Press, 1996. P. 1—21.

35 О «мнемонических местах» см.: Anagnost A. The Politics of Ritual Displacement // Asian Visions of Authority: Religion and the Modern States of East and Southeast Asia / Eds. Ch. Keyes, L. Kendall, H. Hardacre. Honolulu: University of Hawaii Press, 1994. P. 223, 250.

36 Макаренко А. Проектировать лучшее в человеке... М.: Издательство «Университетское», 1989. С. 67.

37 Бахтин М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5: Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М., 1996. С. 362.

38 Там же. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960-х — 1970-х гг. М., 2002. С. 457.

...не в ценностном контексте моей собственной жизни обретает свою значимость самое переживание мое — как душевная определенность, в моей жизни его нет для меня. Необходима существенная смысловая точка опоры вне моего жизненного контекста, живая и творческая... чтобы изъять переживание из единого и единственного события моей жизни... и воспринять его наличную определенность, как характеристику, как штрих душевного целого, как черту моего внутреннего лика...³⁹

Сходным образом проблема «подлинной наружности» и поиск «смысловой точки опоры» вне собственного жизненного контекста анализировались в 1930-х в работах еще одного философа из России. Александр Кожевников (Кожев) в своих семинарах о Гегеле привлек внимание к важному аспекту навязчивого стремления субъекта современности испытать на себе символический эффект объективации⁴⁰. Как отмечал философ, в основе человеческой деятельности, прежде всего, лежит «антропогенетическое Желание» быть признанным другими, то есть непреходящее стремление к поиску все новых доказательств «субъективной уверенности в своем человеческом существовании»⁴¹. Чтобы не оказаться иллюзорной,

ценность, которую человек приписывает себе, должна продемонстрировать объективную реальность — то есть бытие, которое имеет ценность и действительность не только для себя, но и для реалий вне себя. ...Человек должен трансформировать (естественный и социальный) мир, в котором он не признан, в мир, в котором это признание имеет место. Эта трансформация мира, враждебного человеческому проекту, в мир, существующий в гармонии с этим проектом, называется «действием», «деятельностью»⁴².

Сформулирую чуть иначе. Непрерывное производство предметов-заместителей, способных продемонстрировать «подлинность» наружности — то есть ценность индивидуального существования, — является попыткой обойти и/или преодолеть исходную нехватку признания, исходное отсутствие средств, с помощью которых это признание может быть зафиксировано/символизировано. Бытие «вне себя»⁴³ становится и основным условием, и отправным пунктом человеческого существования.

Навязчивые фетишистские стратегии сериальной идентификации, столь четко отраженные в описаниях Орловой, можно рассматривать как мани-

39 Там же. В 7 т. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. М., 2003. С. 186.

40 В 1938 году Роже Кайуа в несколько ином контексте писал о сходном феномене «искушения пространством», выражающемся, в том числе, и в попытках человека «разглядеть себя с какой-нибудь точки в пространстве. Он сам чувствует, что становится частью *черного пространства, где нет места для вещей*. Он уподобляется, но не какой-то конкретной вещи, а просто *уподобляется*. Он придумывает пространства, которые «судорожно овладевают им» (Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное / Пер. С. Зенкина. М.: ОГИ, 2003. С. 98).

41 Kojève A. Introduction to the Reading of Hegel: Lectures on Phenomenology of Spirit. Ithaca: Cornell University Press, 1969 [1939]. P. 11.

42 Ibid. P. 11.

43 Ibid. P. 13. Обсуждение работ Кожева см., например: Butler J. Subjects of Desire: Hegelian Reflections in Twentieth Century France. N.Y.: Columbia University Press, 1997. P. 63–100; Roth M.S. A Problem of Recognition: Alexandre Kojève and the End of History // History and Theory. 1985. Vol. 24 (3). P. 293–306.

фестацию молчаливого признания того факта, что «авторство личности (*self*) и идентичности» вряд ли может быть локализовано; а потому, как отмечает американский антрополог Джордж Маркус, бессознательная, сиюминутная (здесь и сейчас) реакция на «социальные условия, которые определяют индивидуальную личность (*one's selfhood*)»⁴⁴, может быть единственным способом существования, доступным современному человеку. И вряд ли случайным является то, что бахтинская *внеаходимость* — в зависимости от контекста — может означать и бытие за пределами находимости, и бытие, определенное извне. Посмотрим, как эта риторическая стратегия смещения от неопределяемой/неопределенной личности к идентифицируемым условиям и объектам используется в работах Горького.

«ОБЪЯВИМ ПРИРОДЕ БОЙ!»

Начиная с конца 1920-х годов и особенно после своего окончательного возвращения в СССР в 1933 году Максим Горький публикует в советской прессе ряд писем, коротких статей, заметок и комментариев «на злобу дня». Многие из этих текстов одновременно печатаются в «Правде» и «Известиях». Практически независимо от исходного повода большинство журналистских текстов Горького сводится к одной и той же идее: возможности и способности человека переустроить мир. В тексте с характерным названием «Предрассудки съедают миллионы пудов сена» (1932) Горький, например, писал: «Октябрьская революция — это “переворот жизни”, который можно сравнить с биологическим, с таким, после которого вся масса неплодотворной земли Союза Советов становится плодотворной, только тут нужно заменить землю человеческой трудовой массой. Она вся, все ее 162 миллиона единиц, призвана к работе полного и совершенного переустройства древних основ жизни»⁴⁵.

Суть биологического переустройства основ жизни у основоположника социалистического реализма во многом отражает схему, которую сформулировала позднее Орлова: жизнь есть подготовка, «черновик», строительство «новых стен» будущего. Как писал сам Горький:

Нам нужно в кратчайшие сроки уничтожить всю старину и создать совершенно новые условия жизни, — условия, каких нет нигде. Мы должны вооружить наше многомиллионное крестьянство машинами, облегчить каторжный труд, сделать землю более плодородной, научиться бороться с засухами и другими капризами природы, которые уничтожают посевы на полях, создать миллионы километров хороших дорог, уничтожить тесные, грязные деревни, построить для работников полей хорошие города со школами, театрами, общественными банями... больницами, клубами, хлебопекарнями, прачечными, — вообще со всем тем, чем богаты города...⁴⁶

Тавтологию понимание «жизни» индивида как процесса по формированию *условий*, необходимых для этой жизни, закономерно требовало дополнительной мотивации, дополнительного контекста. Актуальность создания условий для жизни, которая не наступила, предполагала своеобразную переоценку жизни, которая была в наличии. Выстраивание этой мо-

44 Marcus G. Ethnography through Thick & Thin. Princeton: Princeton University Press, 1998. P. 171.

45 Горький М. Предрассудки съедают миллионы пудов сена (1932) // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 26. С. 300.

46 Горький М. Рабочим Магнитостроя и другим (1931) // Горький М. Собр. соч. Т. 26. С. 128.

тивации в текстах Горького основывается на определенной подмене: в фокусе оказывается не «строительство собственных норм поведения», к которому призывал, например, Бухарин⁴⁷, и не платоновские рефлексии по поводу «убежденного чувства», способного осмыслить жизнь «человеческой трудовой массы», но перечень существующих внешних *условий*, которые должны быть срочно изменены.

Такой акцент на *среде существования* давал риторическую возможность избежать потенциально противоречивых дискуссий о сути изменений. Привлекая внимание к материальным следам трудовых подвигов, бесконечные списки строек и ударных кампаний оставляли в тени вопросы об их целесообразности. С помощью «новых стен» пустые означающие новой жизни не столько обретали новое содержание, сколько демонстрировали его отсутствие. Показательно, что многочисленные книги о новом быте, опубликованные в это время, зачастую сопровождались рисунками и фотографиями помещений, с идеально расставленными стульями и столами и полностью отсутствующими людьми.

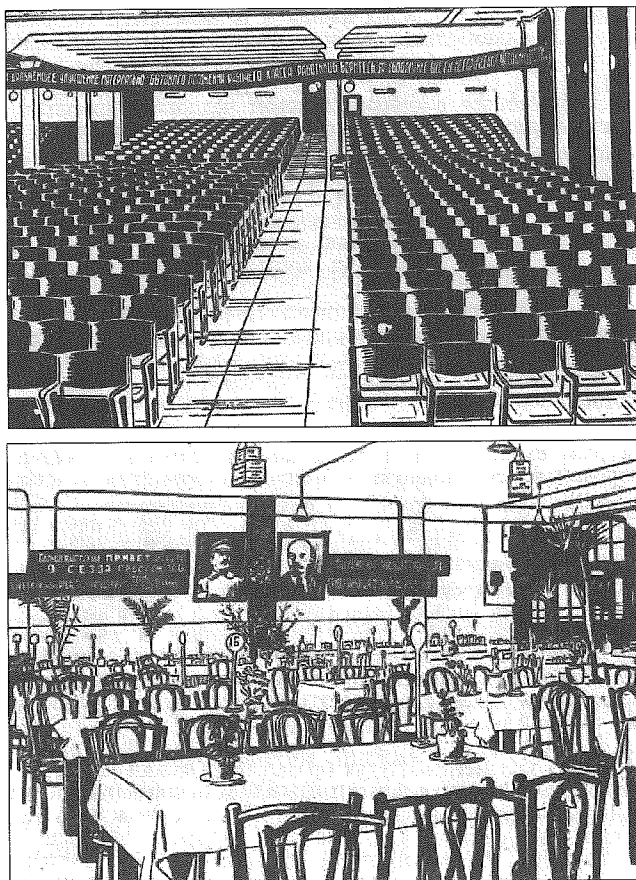

Рис. 3, рис. 4. Бытие вовне: вневходимость. Новый быт на Трехгорной мануфактуре: новое помещение кинозала (*вверху*) и новая столовая (*внизу*). 1935 г. (Латицкая С. Трехгорная мануфактура. Быт рабочих Трехгорной мануфактуры. — М.: ОГИЗ; Государственное издательство «История заводов», 1935. С. 167, 170).

47 Бухарин Н.И. Революция и культура... С. 134.

Гипертрофированный акцент на *условиях* будущего во многом стал, по справедливому замечанию Катарини Кларк, американской исследовательницы советского романа, результатом сложившейся структурной несочетаемости «того, что есть», с «тем, что должно быть». «Модальная шизофрения» ранней советской риторики, о которой писала Кларк⁴⁸, может быть понята как неспособность совместить, с одной стороны, «нормативное», «ценностное» и «идеальное» и, с другой — «деятельностное», «перформативное», присутствующее только здесь и сейчас.

Для Горького выходом из подобной ситуации стала своеобразная трансформация базовой оппозиции «настоящее/будущее»: негативно окрашенный «природный хаос» реальности оказался противопоставленным планомерной «воле к действию», понятой как стремление к сознательному рациональному переустройству. Иначе, говоря словами Горького:

В Союзе Советов научно организованный разум получил неограниченную свободу в его борьбе против стихийных сил природы. Побеждая эти силы, заставляя их покорно служить великому, всемирному делу создания бесклассового общества равных, разум все более дерзновенно, все более успешно и наглядно показывает свою мощь творца и организатора «второй природы», то есть культуры, на почве, на силах и сокровищах первой природы, древней, неорганизованной и даже враждебной интересам трудового человечества⁴⁹.

Разумеется, подобное противопоставление рационального человека и иррациональной природы вряд ли ново. Новым является стремление Горького не ограничиваться привычными метафорами и противопоставлениями, но предложить бесконечный практический список явлений, которые могут и должны быть изменены, то есть своеобразный набор ритуалов и дисциплинирующих действий, способных породить новый порядок вещей. Например, в 1935 году в своем письме школьникам Иркутска Горький писал:

В нашем государстве не должно быть насекомых, опасных для здоровья людей, сорных трав, истощающих соки земли, вредителей лесов и хлебных злаков. Мы должны всю нашу землю обработать как сад, осушить болота, снабдить водой безводные пустыни, канализовать и углубить реки, построить миллионы километров дорог, вычистить огромные наши леса. В нашей стране не должно быть места саранче, пожирающей хлеб, комарам, которые прививают людям лихорадки, мухам, распространяющим болезни, насекомым, истязаящим домашний скот. Крысы и мыши — паразиты, которые приносят нам убытков на сотни миллионов рублей, так же, как грызуны полей — кроты, суслики, полевки. Это, разумеется, еще не все, — есть еще много разнообразной, веселой работы по строительству первого подлинно культурного, социалистического государства, эта работа ждет вас, и она требует широких научных знаний⁵⁰.

Подобное привилегированное положение «процессуального» (по принципу «если А, то делай Б») за счет уменьшения роли и значимости «дек-

48 Clark K. The Soviet Novel: History as Ritual. Chicago: The University of Chicago Press, 2000. P. 36–38.

49 Горький М. О кочке и точке (1933) // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 27. С. 42.

50 Горький М. Письмо школьникам Иркутской 15-й средней школы им. Горького (1935) // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 27. С. 482.

ларативного» (принцип «А означает Б») ⁵¹ имеет свои причины. Стремление выражать поступком то, что не поддается описанию, как правило, есть отражение общего «дефицита знаков» ⁵²: символическая недостаточность оказывается преодоленной в активной деятельности.

Горьковская «воля к действию» демонстрирует еще одну важную черту. Попытка дисциплинировать себя путем упорядочивания других (вещей, явлений и людей), как и любая проекция ⁵³, основана на действии механизма, который Юлия Кристева определяет как «от-вращение», то есть сознательное и бессознательное проведение границы, устанавливающей пределы собственного Я путем обозначения «запредельной» территории ⁵⁴. Картография внешней, *запредельной*, реальности и является в данном случае основным способом, с помощью которого «собственное Я» может быть определено и описано. Цель отвращения, иначе говоря, полагается в акте дифференциации, в ходе которого обозначение места своего отсутствия не только создает контекст («условия») собственного существования, но и формирует конституирующую «зависимость от негативных категорий» ⁵⁵. Риторика «отвращения», таким образом, дает возможность определить начальную точку отсчета, оттолкнувшись от которой можно придать ускорение и направление собственному движению.

Для Кристевой (и Фуко) запредельность и запрет становятся прежде всего исходной точкой в формировании субъекта; в текстах Горького «разнообразная, веселая работа» по конструированию внешних объектов отвращения играет принципиально иную роль. Речь в данном случае не о проведении подвижной и взаимообуславливающей границы между субъектом и ограничивающей его средой существования, но о выделении запредельной зоны — «природы», — которая подлежит замене. Конструирование объекта отвращения выступает в виде двуединого процесса: природа антропоморфизируется и одновременно выступает персонифицированным носителем качеств и свойств, враждебных новому человеку. Приведу несколько примеров. В статье «О «Библиотеке поэта»» Горький отмечает:

Поэты прошлых времен восхищались красотами и дарами природы как земледельцы и землевладельцы, как «дети природы», в сущности же — как рабы ее. В отношении поэзии к природе наиболее часто и определенно звучали — и звучат — покорность, лесть. Хвала природе — хвала деспоту и тоном своим почти всегда напоминает молитвы... Пытаюсь — не очень успешно — «глаголом жечь сердца людей» или — безуспешно — пробуждать в людях «чувства добрые», поэты никогда еще не звали человека на борьбу с природой, за власть над ней и, разрешая себе — не часто — гнев на двуногих деспотов, не гневались на слепого тирана.

51 См.: Kristeva J. *New Maladies of the Soul*. N.Y.: Columbia University Press, 1995. P. 46.

52 Ibid.

53 Проекция — «операция выделения и локализации в другом лице или вещи тех качеств, чувств, желаний — короце, тех «объектов», которые субъект не признает или отвергает в самом себе» (Лоплатни Ж., Понталис Ж.-Б. *Словарь по психоанализу* / Пер. Н. Автономовой. М.: Высшая школа, 1996. С. 379). См. подробнее: Oushakine S. *The Fatal Splitting: Symbolizing Anxiety in Post/Soviet Russia* // *Ethnos: Journal of Anthropology*. 2001. Vol. 66 (3). P. 291–319.

54 «Отвратительное и отвращение — то ограждение, что удерживает меня на краю. Опоры моей культуры» (Кристева Юлия. *Силы ужаса: Эссе об отвращении* / Пер. А. Костиковой. Харьков; СПб.: Алетейя, 2003. С. 37).

55 Anagnost A. *The Politics of Ritual Displacement*. P. 247.

Рис. 5. Картография запредельности. Подпись в оригинале: «Теперь она не вернется в шалман. На трикотажной, у мольезной машины». (Болшевы: очерки по истории Болшевской имени Г.Г. Ягоды трудкоммуны НКВД. Под ред. М. Горького, К. Горбунова, М. Лузгина. М.: ОГИЗ, 1936).

И чуть дальше:

...«Объявим природе бой». Прекрасное, подлинно большевистское намерение, и нужно сделать все для того, чтобы оно немедленно превратилось в работу. <...> Земля наша засорена бесчисленным количеством бесполезных и вредных растений — они паразитически истощают плодотворные соки земли. Их нужно уничтожить. Стихийная сила природы создает массы паразитов — наша разумная воля не должна мириться с этим, — крысы, мыши, суслики наносят хозяйству страны огромный вред и убытки, исчисляемые, вероятно, сотнями миллионов рублей. Недопустимо и смешно, когда люди тратят труд свой на крыс. Двуногие, человекоподобные паразиты уничтожены не для того, чтоб кровью рабочих питались клопы. Слепое стремление природы к размножению на земле всякой бесполезной или определенно вредной дряни, — это стремление должно быть остановлено, вычеркнуто из жизни ⁵⁶.

Показательно, что «организованная воля» человеческого интеллекта нацелена в данном случае не на гармонизацию («оптимизацию») существующей ситуации. Упорядочивание в условиях «модернизма недоразвитости», как правило, синонимично уничтожению, «вычеркиванию из жизни», освобождению места для строительства очередных «новых стен»:

56 Горький М. О «Библиотеке поэта» (1931) // Горький М. *Собр. соч.*: В 30 т. Т. 26. С. 186, 197.

«Комсомольская правда» призывает всесоюзную молодежь на войну против сорных трав. Это — серьезнейшее дело, и, начиная его, комсомол еще раз внушительно говорит о своем культурном росте, о своей политической зрелости. В стране, где объявлена и успешно развивается беспощадная борьба, — «борьба на истребление» против двуногих хищников и паразитов пролетариата — строительство нового мира, вполне планомерно и естественно начать с трудного дела истребления вредителей растительного мира, истребления паразитов, которые засоряют, отравляют, пожирают огромное количество трудового хлеба. Наверное, вслед за всесоюзным походом против сорных трав будет объявлен такой же поход против крыс, мышей и прочих грызунов, уничтожающих огромное количество зерна и пищевых продуктов.

Есть у трудового человечества немало врагов в мире насекомых и в мире микроорганизмов — они, вредители здоровья, тоже должны быть истреблены. Так, перед несокрушимой и все растущей энергией молодого класса, призванного историей очистить землю от паразитизма, встают все новые боевые задачи, воспитывая, расширяя, углубляя волю класса к созданию новых условий социальной жизни, новой культуры⁵⁷.

Рис. 6. На строительстве Беломорканала. 1934 г. «Им показано было, что вот они, маленькие люди, обитатели «шалманов», где их грабят, будучи коллективно организованы на бой против каменного упорства природы, могут быстро побеждать ее сопротивление целям пролетариата, изменяющего мир». (Горький М. Правда социализма // Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т. Т. 27. М.: ГИХЛ, 1953. С. 127). Подпись в оригинале: «Изменяя природу, человек изменяет себя (К. Маркс)». (Беломорско-Балтийский канал им. Сталина. История строительства. Под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. М.: Госиздат «История фабрик и заводов», 1934).

57 Горький М. Война сорнякам (1933) // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 26. С. 427.

Учитывая милитаризм этой риторики, вряд ли является удивительным то, что «вторая природа», призванная заменить господство «слепого деспота», видится Горькому прежде всего как «непобедимая крепость пролетариата». При этом происходит не просто риторическая подмена «живой» природы природой, так сказать, «рукотворной». Вновь созданный контекст метафорически призван выполнять аналогичные функции воспроизводства. В приветствии «Уралмашстрою» (1933) Горький, например, пишет: «Вот пролетариат-диктатор создал еще одну могучую крепость, возвел еще одно сооружение, которое явится отцом многих заводов и фабрик»⁵⁸. Еще в одном тексте — статье, связанной с выходом в свет первого тома «Истории заводов», инициированной Горьким, писатель так характеризует рабочих — авторов сборника «Люди Сталинградского тракторного»: «Привязанность к заводу, влюбленность в него как в наглядную и мощную реализацию энергии молодежи, как в монумент, созданный ею себе самой, — эта влюбленность естественна для всех авторов и, наверное, для сотен их товарищей по работе»⁵⁹.

Эти описания заводов-крепостей, выступающих одновременно и объектом эмоциональных воображаемых инвестиций индивида, и символом-монументом, адресованным другим, безусловно, напоминают логику зеркальной стадии, описанной Жаком Лаканом. Собственные отражения одновременно являются и моделью для собственной же идентификации, и овеществленным образом-репрезентацией для других⁶⁰. Доводя до предела общую логику формирования современной идентичности, этот пример ярко демонстрирует, что в рамках «репрезентативной экономики» индивидуальное Я есть лишь результат социально доступных форм и способов ассоциации и дис-ассоциации с существующими материальными объектами⁶¹. Личность, индивидуальность, идентичность перестает быть некоей субстанцией, способной проявлять себя в тех или иных явлениях, процессах или поступках. Логика приобретает обратную траекторию. Именно благодаря возможности ассоциировать себя с тем или иным событием, явлением или процессом, идентичность, а вернее — субъектность, приобретает шанс на существование. Идентичность, иными словами, сменяется серией идентификаций, становится «обезличиванием через слияние с пространством»⁶². Невозможность символизации сущности «полых людей» преодолевается описанием их активной деятельности.

Показательно, что эта зависимость от материальных «объектов идентификации»⁶³ в работах Горького редко увязывается с самими качествами

58 Горький М. Приветствие Уралмашстрою (1933) // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 27. С. 53.

59 Горький М. Люди Сталинградского тракторного. Первый том «Истории заводов» (1933) // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 27. С. 56.

60 См. подробнее: Лакан Ж. Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я в том виде, в каком она предстает нам в психоаналитическом опыте // Лакан Ж. Семинары. Книга II: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/1955) / Пер. А. Черноглазова. М., 1999.

61 Battaglia D. Problematizing the Self: A Thematic Introduction // Rhetoric of Self-Making / Ed. D. Battaglia. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 2, 3.

62 Kallya P. Миф и человек... С. 98.

63 О переходных объектах идентификации см.: Винникотт Д. Игра и реальность. М., 2002; Oushakine S. In the State of Post-Soviet Aphasia: Symbolic Development in Contemporary Russia // Europe-Asia Studies. 2000. Vol. 52 (6). P. 991–1016.

«новой личности». Познание *условий* собственного существования — то, что Антон Макаренко чуть позже называл «способностью к ориентировке»⁶⁴, — важнее *само*-познания. Начиная кампанию по созданию «Истории фабрик и заводов», Горький, например, писал в 1931 году:

Мы должны неутомимо бороться против остатков древней глупости, против политического и всякого иного невежества, за нашу культуру социализма. Нам необходимо изучать нашу действительность во всем ее объеме, нам нужно знать в лицо все наши заводы и фабрики, все предприятия, все работы по строительству государства. Надо подробно, всесторонне знать все, что нами унаследовано от прошлого, и все, что создано за четырнадцать лет, создается в настоящем. Надобно знать роль каждого наиболее типичного завода, каждой области производства, — завода как двигателя промышленности, как школы техников и школы революционеров, завода как воспитателя классового, революционного самосознания рабочих и как организатора, участника гражданской войны. Надо знать завод в его современном значении как организатора социалистического сознания и социалистического производства⁶⁵.

Дело не только в том, что «наша действительность во всем объеме» оказывается здесь синонимичной «нашим заводам и фабрикам». Важно еще и то, что собственно промышленные функции завода оказываются в тени его социально-формирующей, воспитательной и организационной деятельности. «Действительность превосходно воспитывает человека, — отмечал Горький в одной из своих бесед с писателями, — если только она не сломит его, то непременно сделает из него нового человека»⁶⁶. И, как свидетельствует заглавие сборника «Люди Сталинградского тракторного», заводская проходная, выполняя свою воспитательную (отцовскую?) функцию, не только, так сказать, «выводит в люди» новый класс, но и дает индивидуальной или коллективной идентичности собственное имя, отметку принадлежности, если не знак происхождения⁶⁷.

«НАСИЛИЕ С УМОМ»

Горьковская риторика радикального социального конструктивизма с ее акцентом на создании безопасной и рационально организованной среды, способной заменить стихийность природы, разумеется, не являлась чем-либо исключительным. Как уже отмечалось, корни этой дискурсивной стратегии можно видеть прежде всего в стремлении компенсировать недостаток нормативных понятий и ценностных иерархий, которые могли бы символизировать не только процессуальную сторону происходящих перемен, но и их смысловое наполнение. Еще одним ярким примером сходной дискурсивной стратегии стали дебаты о наследственности, связанные с именем

64 Макаренко А. Проектировать лучшее в человеке... С. 253.

65 Горький М. «История фабрик и заводов» (1931) // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 26. С. 143.

66 Горький М. Беседа с писателями — ударниками труда по вопросам, предложенным рабочим редакционным советом ВЦСПС (1931) // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 26. С. 77.

67 Подробнее об «Истории фабрик и заводов» см.: Добренко Е. Молоко современности и творог истории: нарратив как способ производства социализма // Вопросы литературы. 2004. № 2.

Трофима Денисовича Лысенко — агробиолога, на вершине своей карьеры — президента Академии сельхознаук, директора Института генетики Академии наук СССР, заместителя председателя Верховного Совета СССР. Не вдаваясь в подробный анализ лысенковщины как явления советской науки⁶⁸, я лишь кратко остановлюсь на наиболее важных для моего исследования положениях.

Напомню, что в центре споров в советской генетике 1930-х и 1940-х годов находились проблемы соотношения «организма и среды» и способности человека влиять на изменение свойств живых организмов. Собственно, вопрос о причинах устойчивости и изменчивости организмов и был тем основным пунктом, по которому Лысенко резко расходился с генетиками. Для меня в данном случае важно не то, насколько прав или не прав был Лысенко в этих спорах; интересным и существенным мне представляется сам способ аргументации, выбранный «агробиологом», — способ, имеющий немало общего с логикой символизации Горького и Макаренко.

Выводы генетиков о «закономерностях наследования признаков» на основе «соединения и разъединения зачатков признаков» (то есть генов) для Лысенко стали ярким проявлением оторванности генетики от «биологически-дарвинистического изучения наследственных “факторов”». Уход генетики в статистический анализ «*общих* закономерностей онтогенеза» (напомню, онтогенез — цикл индивидуального развития организма. — С.У.), ее исключительное внимание к *внутренним* характеристикам организмов за счет полного игнорирования *внешних* условий развития этих организмов⁶⁹ — все это привело к тому, что, по мнению Лысенко, генетика «ста-

68 Свои сельскохозяйственные опыты Лысенко начал в конце 1920-х годов. Обзор деятельности Лысенко см., например, в: Дубинин Н. История и трагедия советской генетики. М.: Наука, 1992; Левина Е. Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский... Биология в СССР: история и историография. М.: АИРО-XX, 1995; Сойфер В. Власть и наука в СССР: История разгрома генетики в СССР. М., 1993; Hudson P.S., Richens P.H. The New Genetics in the Soviet Union. Cambridge: Imperial Bureau of Plant Breeding and Genetics; School of Agriculture, 1946; Joravsky D. The Lysenko Affair. Cambridge: Harvard University Press, 1970. Несколько иной подход к его работам см.: Roll-Hansen N. A New Perspective on Lysenko // Annals of Science. 1985. Vol. 42. P. 261–278; Lysenkoism in China: Proceedings of the 1956 Quigdao Genetics Symposium / Ed. L. Schneider. N.Y.: M.E. Sharp, 1986.

69 Напомню, что это утверждение Лысенко не соответствовало действительности: 1930-е годы стали временем интенсивного развития эволюционной генетики, в которой как раз и изучается влияние условий среды на изменчивость организмов. В частности, эту проблему исследовал главный оппонент Лысенко в 1930-е годы — Н.И. Вавилов. Подлинное содержание дискуссии между Лысенко и генетиками заключалось в том, что, согласно концепции первого, по наследству могут передаваться признаки, приобретенные прижизненно (поэтому необходимо «воспитание» сельскохозяйственных растений и животных), генетики же полагали, что по наследству передаются только признаки, появившиеся в результате изменений на генетическом уровне, при этом, однако, среда влияет на появление новых генетически обусловленных признаков (естественный или искусственный отбор) и на их передачу по наследству. Современное развитие генетики проблематизировало многие положения классической эволюционной теории, но описанный принцип эволюционной генетики остается общепризнанным и под сомнение не ставится.

ла формальной в своих основных построениях и не могла в достаточной степени служить для селекции тем, чем она обязана быть, — теоретической базой для руководства к действию»⁷⁰.

Практическая бесполезность «формальной генетики»⁷¹ во многом увязывалась Лысенко с ее общим положением о том, что живой организм есть комбинация двух элементов — изменяемого *тела* организма («сомы») и неизменяемой субстанции — «вещества наследственности», которое состоит из «крупинок (генов)» (304). Лысенко напоминал, что, согласно положениям классической генетики, «вещество наследственности» — в отличие от «тела» — не подвержено «никаким изменениям, никаким превращениям в процессе жизни организма» (356).

В контексте опытов Лысенко не было места для какой бы то ни было телеологической («генетической») предопределенности развития организма. Как утверждал «агробиолог», организм «состоит только из обычного, всем известного тела. Никакого особого вещества, отдельного от обычного тела, в организме нет» (484). В противовес «метафизическому направлению в биологической науке» (312) Лысенко выдвинул «теорию развития», в которой наследственность понималась как результат исторической приспособляемости к внешней среде. «Структуралистское» деление на означающее тело и означаемые гены в данной версии было полностью отвергнуто. Формообразующую роль стали играть не внутренние — *данные* — характеристики организма, а внешние условия. Как писал Лысенко:

Под наследственностью мы понимаем свойство живого тела требовать определенных условий для своей жизни, своего развития и определенно реагировать на те или иные условия. Под термином «наследственность» мы понимаем природу живого тела. <...> Знание природных требований и отношения организма к условиям внешней среды дает возможность управлять жизнью и развитием этого организма. Больше того, на основе такого знания можно направленно изменять наследственность организмов. Понимать же под наследственностью, как до сих пор в генетике принято, только воспроизведение себе подобных, без изучения путей и материала (условий), из которых тело само себя воспроизводит, — это значит закрыть себе дорогу для овладения этим важным и интересным явлением живой природы (456).

Логика, таким образом, приобретает уже знакомую (замкнутую) конфигурацию — жизнь есть реакция на внешние условия, точнее — способность

70 Лысенко Т. Агробиология: Работы по вопросам генетики, селекции и семеноводства. М., 1948. С. 72–73. Курсив в оригинале. Далее ссылки на это издание даются в тексте в скобках с указанием номера страницы.

71 Борис Гаспаров в своей работе убедительно продемонстрировал, что критика «формальной генетики», организованная Лысенко, была не лишена сходства с дебатами между Бахтиным и его кругом, с одной стороны, и формалистами, с другой. Формальный анализ структурных элементов литературного текста во многом рассматривался кругом Бахтина как механическая манипуляция универсальными элементами. См.: Gasparov B. Development or Rebuilding: Views of Academician T.D. Lysenko in the Context of the Late Avant-Garde // Laboratory of Dreams: The Russian Avant-Garde and Cultural Experience / Eds. J. Bowlt, O. Matich. Stanford: Stanford University Press, 1996. P. 133–150; также см. статью Бухарина «О формальном методе в искусстве» (Бухарин Н. Революция и культура... С. 89–99).

организма *требовать* определенных условий. В свою очередь, природа организма определяется контекстом его местонахождения: «Озимость, яровость, зимостойкость, большая или малая кустистость, остистость и т.д. не заданы в наследственном основании, а являются результатом развития наследственного основания в тех или иных условиях внешней среды, участвующих в самом формировании конкретных признаков организма» (7). Контроль над условиями «внешней среды» — этой своеобразной версией горьковской «второй природы» — призван гарантировать наличие необходимых свойств-признаков у организма.

Решение проблемы сочетания «тела» и «идентичности», таким образом, было найдено не в наследственности (то есть в *прошлом*), а вовне — в тщательно организованном и контролируемом окружении⁷². В итоге

изменение природы организма (его породы) можно направлять адекватно, соответственно изменению самого организма под действием внешних условий. <...> Понятно, что раз изменение природы организмов адекватно изменению самого организма, то на семенных участках любых культур необходимо создавать путем агротехники такие условия, которые способствуют получению с растений наибольшего и наилучшего урожая в нужный нам срок. Ведь именно эти условия изменяют, склоняют и природу организма в этом же направлении, т.е. окультуривают породу семян (319).

Естественно, что при всей своей привлекательности тезис о контролируемом «склонении природы организма в нужном направлении» не мог не считаться с тем очевидным фактом, что подобное «склонение» работает не всегда и не везде. В чем причина устойчивой реакции живых организмов на условия, которых *уже* нет? Ответом на подобные вопросы для Лысенко стал тезис об исторически сформированном «консерватизме наследственности», который и обеспечивает относительно устойчивое воспроизводство органических форм. Благодаря такому консерватизму отсутствие условий, «требуемых природой организма», может вести к тому, что организм «не принимает, не ассимилирует иных условий, не соответствующих его генотипу», и гибнет (361). Отсюда, соответственно, и практическая постановка проблемы: если наследственность есть не что иное, как сложившаяся «привычка», подкрепляемая соответствующими природно-климатическими условиями⁷³, то «нельзя ли сломать консерватизм наследственности?» (364). Что произойдет с организмом, если вместо традиционного (и медленного) «угождения организму для развития нужных... органов» *перестать* создавать для него требуемые условия? Как отмечает в своих работах «агробиолог», именно «противодействие» природе растений может способствовать выработке «новых потребностей» (365).

Таким образом, теория генетических мутаций как основы формирования новых признаков организма, передающихся по наследству, оказалась вытесненной новым методом: «Чтобы получить резкие сдвиги в наследственности, необходимо резкое вмешательство в развитие растения. Для

72 Подобное отношение к наследственности радикально отличало советский вариант биополитики от биополитики национал-социализма с характерным для него отождествлением наследственности и судьбы. См.: Agamben J. Homo Sacer... P. 148.

73 «Избирательная способность организмов, органов и клеток есть результат исторической приспособленности предшествующих поколений к условиям внешней среды» (274).

этих целей необходимо применить “насилие”, но “насилие”, как говорят, с умом, которое полностью укладывается в “воспитание растений”...» (346).

В чем заключается это «умелое воспитание растительных организмов» (356)? Лысенко понимал его следующим образом:

...нам стали известны способы более быстрого изменения породы путем воспитания. Когда знаешь, в какой момент развития организма надо ему не угодить, а, наоборот, подставить иные, несвойственные условия, то старые наследственные свойства могут быть сломаны. Иногда они ликвидируются нацело. Организм уже не будет обладать такими наследственными свойствами, которые были у него раньше; установившаяся в предыдущих поколениях наследственность будет разрушена. В дальнейшем задача заключается в том, чтобы, подбирая условия воспитания, все больше уклонять растение в задуманном направлении, выработать тем самым в ряде поколений новые потребности, новую наследственность (428—429).

Как на практике вырабатывалась новая наследственность? Точнее — каким образом подбирались и внедрялись необходимые «условия воспитания»?

Уже в самом начале своей деятельности Лысенко активно подчеркивал стадийный и необратимый характер развития организмов. Являясь «необходимыми этапами в развитии растения, на базе которых и происходит развитие всех частных форм — органов и признаков растений», стадии развития отличаются своими требованиями к внешним условиям (34). Как предполагалось, активное вмешательство на стадии формирования признака или органа может в значительной степени повлиять на саму структуру и, следовательно, на свойства этого признака или органа. Изменения организма и изменения контекста этого развития, таким образом, совпали. Развитие во времени и развитие в пространстве оказались слитыми. Как и в работах Горького, конфликт реальности («то, что есть») и планов («то, что должно быть») разрешился благодаря установлению контроля над материальными условиями существования.

Следуя логике активного вмешательства, Лысенко изменял световые, температурные и т.п. условия в критические моменты развития организмов, чтобы добиться желаемых признаков, — применительно к озимой пшенице этот принцип называется «яровизация»⁷⁴. Изначально целью опытов

74 Само явление яровизации озимой пшеницы (озимая пшеница может успешно взойти весной, если до этого зимой выдерживать ее семена при особом режиме температуры и влажности) было известно до Лысенко. Первые исследования в области воздействия низких температур на особенности развития растений были опубликованы во второй половине XIX века; последовательные попытки теоретизации подобных опытов связывают с работами немецкого исследователя Густава Гасснера (Gustav Gassner) по физиологии вернализации (*vernalization* — от лат. *vernis* — «по весне») в начале XX века (см.: Sibum Sung, Amasino Richard M. Vernalization and epigenetics: how plants remember winter // Current Opinion in Plant Biology. 2004. Vol. 7. P. 4—10). Вопросы яровизации, методы прививок и гибридизации во многом остаются предметом активных исследований западных биологов и физиологов и сегодня. В последние годы наметился определенный сдвиг интересов — от анализа физиологической основы яровизации к анализу ее молекулярного базиса (очерк современных подходов см., например, в: Amasino R. Vernalization, competence, and the epigenetic memory of winter // The Plant Cell. October 2004. Vol. 16.

Рис. 7. Трофим Лысенко: «В природе путем изменчивости и естественного отбора могли создаваться и создаются прекраснейшие формы животных и растений. Человек, овладев этим путем, во-первых, сможет творить такие прекрасные формы в несоизмеримо более короткие сроки, а во-вторых, сможет создать и такие формы, каких не было и какие не могли появиться в природе и за миллионы лет» (Лысенко Т.Д. О двух направлениях в генетике // Лысенко Т.Д. Агробиология. 4-е изд. М.: Госиздат. сельхоз. лит-ры, 1948. С. 213. Фото — с. 1).

Лысенко было вполне естественное стремление понять, почему разные сорта пшеницы имеют разный период созревания. В отличие от раннеспелых («яровых») сортов, позднеспелые («озимые») сорта пшеницы, посеянные весной, не в состоянии плодоносить. Это «требование» более длительного периода развития отразилось в том, что озимые сорта высеиваются осенью, «в зиму». Проблема, однако, заключалась в том, что отсутствие снега и/или слишком сильные морозы могут полностью уничтожить посевы. Переделка озимых сортов пшеницы в яровые и стала основным проектом раннего Лысенко.

В ходе своих экспериментов с предпосевной обработкой семян Лысенко стал утверждать, что растения, «которые по своей природе... всегда были озимыми... по поведению стали яровыми» (12). Чем сильнее подвергалось растение «переделке в стадии яровизации, тем сильнее расстраива-

Р. 2553—2559). Общим является мнение о том, что изменения растений, достигнутые при помощи яровизации («состояние яровизации»), не могут передаваться по наследству. См., например: Michaels S.D., Amasino R.M. Memories of winter: vernalization and competence to flower // Plant. Cells and Environment. 2000. Vol. 23. P. 1145—1153.

лась согласованность дальнейшего развития организма» (208). Любопытно, что финальным, желаемым продуктом подобного воспитательного процесса у Лысенко стал «пластичный организм», организм с «расшатанной наследственностью». Аграрная привлекательность такого организма заключалась прежде всего в отсутствии «выработанной устойчивости», того самого «консерватизма наследственности», который и предопределяет характер реакции на внешние условия. Если внешняя среда не в состоянии предоставить «требуемые условия», заключал «агробиолог»,

то организм с расшатанной наследственностью недолго сопротивляется, не упорствует, несвойственные для ассимиляции этим организмом условия как бы «сами лезут» в него. Организм с расшатанной наследственностью ассимилирует условия его окружающие, как говорят, с меньшим разбором, с большим ашгитом. Из такого организма умелый экспериментатор может буквально лепить, как из глины, новую, хорошую, нужную ему породу (404).

Традиционная дарвиновская парадигма межвидовой борьбы за выживание, таким образом, претерпела существенные изменения в «школе советского творческого дарвинизма»⁷⁵. На смену «сильнейшим» пришли «пластичные». Борьба между организмами оказалась менее важной, чем способность организмов своевременно и «адекватно» реагировать на постоянно изменяющиеся условия внешней среды:

Человек, не знающий, из чего и как строится наследственность, не может иметь дело с организмом, обладающим нестойкой наследственностью. А для людей знающих... организм с шаткой, неустановившейся наследственностью — клад, золото. Мы будем ставить эти организмы из поколения в поколение во все более жесткие условия, в условия сильного холода (но только... так, чтобы не убить растения), и тогда, через два-три года воспитанная таким образом пшеница ничем не будет отличаться по стойкости от местных растительных форм (376).

Пожалуй, наиболее ярким примером подобного примата ассимиляции как способа формирования новых признаков стал предложенный Лысенко «метод ментора». Хотя впервые метод был сформулирован Иваном Мичуриным еще в 1916 году, в 1930-х он обрел новую жизнь благодаря активной деятельности Лысенко⁷⁶. Изначально в своих работах Мичурин резко выступал против прививания молодых сеянцев в крону старых плодовых деревьев («привой»), поскольку еще не сформированные организмы-сеянцы могут быть подвержены негативному влиянию корней дичка («подвой»), на которые в свое время и были привиты плодовые деревья.

Упрощая мичуринские идеи, Лысенко использовал метод ментора для ответа на базовый вопрос: «Почему семена из хороших культурных плодов яблонь или груш, полученные при естественном опылении цветов или

75 О положении в биологической науке. Стенографический отчет сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина. 31 июля — 7 августа 1948 г. М., 1948. С. 65.

76 Об использовании идей Мичурина в работах Лысенко см.: *Krementsov N. Lysenkoism in Europe: Export-Import of the Soviet Model // Academia in Upheaval: Origins, Transfers, and Transformations of the Communist Academic Regime in Russia and East Central Europe / Eds. M. David-Fox, G. Péteri. Westport, Connecticut: Bergin and Garvey, 2000. P. 179–202.*

при искусственной гибридизации, чаще всего дают при посеве чрезвычайно большой процент деревьев с плохими, дикими свойствами плодов?» (270). Вопрос, иными словами, затрагивал суть опытов Лысенко — «дикие» свойства нового организма в данном случае противоречили «культурным» условиям существования этого организма. Объяснение, как и у Мичурина, искалось в «диких» корнях. «Пластические вещества подвоя», то есть той дикой основы, на которую прививались плодовые деревья, стали восприниматься в работах Лысенко как «внешний элемент». Действуя как «пища» по отношению к привою, «элемент» ассимилируется привоем, превращается в составную часть его тела и, соответственно, изменяет наследственные свойства привитого сеянца (492).

Следуя Мичурину, Лысенко предложил использовать это одностороннее «влияние» подвоя и привоя в положительных целях. Основой стал своего рода «полый субъект» — молодые саженцы, качества которых еще не вполне сформировались. В свою очередь, привоем выступили черенки (ветки) со старых плодовых деревьев. Недостающие, но желаемые свойства молодых деревьев, таким образом, «приобретались, передавались из привитых веток» (484). Возраст «ментора» и «молодого организма» в данном случае существенен: «Чем моложе будет то растение, признаки которого хотят изменить, тем успешнее будет опыт». Соответственно, «растения, от которых хотят получить то или иное свойство или признак, должны быть постарше; лучше, если они будут в среднем возрасте» (487). Жизненные условия, таким образом, превратились в среду обучения, в которой и формировалась наследственность молодого организма под контролем более опытного «ментора».

Сопоставляя призывы Горького к строительству «второй природы», способной объективировать суть «полых людей», с социобиологическими экспериментами Лысенко по расшатыванию наследственности, я прежде всего хотел продемонстрировать сходства дискурсивных приемов, использованных разными авторами в разных областях советской жизни. В обоих случаях «природа» оформлена не только как нечто бесконечно изменяемое и изменяемое, но и как нечто заменимое и заменяемое. В обоих случаях попытки «объявить природе бой» структурируются вокруг одной и той же негативной зависимости от прошлого: «расшатывание» исходной, полученной наследственности предшествует и созданию новой — рациональной — «второй природы», и формированию новых свойств и признаков у организмов.

Оба дискурса обязаны своим происхождением одному и тому же модернистскому стремлению поставить под сомнение «исторически сложившийся строй приспособленности» (353) с целью создания нового порядка вещей и новых организмов. В условиях советской модернизации подобное стремление усилилось и общим нормативным вакуумом, отсутствием повседневной рутины, способной «смягчить» радикализм социальных преобразований. На этом фоне тезис Лысенко о «пластических веществах», способных легко адаптироваться и — что важнее — воспроизводить усвоенные характеристики в своем потомстве, может восприниматься как пример действенной риторики, в которой «само-оборудование» оказывается синонимичным выбору желаемой наследственности. Или, иными словами — формированию свойств и навыков, способных обеспечить выживание в постоянно меняющихся условиях.

Рис. 8. Смена наследственности: «...всем людям известно, что любой орган в организме развивается из исходного, совершенно отличного от этого органа, например, глаз — вовсе не из глаза или лист — не из листа и т.д. Почему же для хромосомы должны существовать свои особые законы, не свойственные общим закономерностям развития организмов?» (Лысенко Т.Д. О путях управления растительными организмами // Лысенко Т.Д. Агробиология. М.: Госиздат. сельхоз. лит-ры, 1948. С. 239). Подпись под фото в оригинале: «Изменение наследственной природы озимой пшеницы “украинка” в яровую. В левом вазоне — озимая пшеница “украинка”; в двух средних — “украинка”, измененная в яровую (третье поколение); в правом — яровой сорт пшеницы “лютенсес 062”. Все четыре вазона засеяны 27 ноября 1939 г. Растения выращивались в теплице Селекционно-генетического института (Одесса)» (с. 349).

«ОРГАНИЗМЫ С РАСПАТАННОЙ НАСЛЕДСТВЕННОСТЬЮ»

Посмотрим, как «новая, хорошая, нужная порода» «лепилась» в педагогической практике. Важно, на мой взгляд, при этом иметь в виду, что в работах Лысенко и, как мы увидим ниже, в работах Макаренко акцент на *внешних*, формообразующих, условиях — «новых стенах» — приобрел несколько иное звучание, чем у Горького. Проблему несовместимости развития строящегося общества с развитием его строителей удалось решить, во-первых, путем установления строгого контроля над условиями существования, а во-вторых, при помощи вынесения «экспериментатора» за скобки процесса «строительства». Вторая «природа» обрела не только своего строителя, но и своего хозяина. Соответственно, изменились и приоритеты — важным стал, так сказать, не столько сам «новый дом», о котором писала Орлова, сколько соответствие этого дома генеральному плану. Или, чуть иначе, важ-

Рис. 9. Горький с колонистами, 1928 г.: «В сельскохозяйственный обиход нашей страны смело вводится множество новых культур, быстрее растет ее техническое вооружение, и самое главное — в ней растут дети, для которых наше дореволюционное прошлое со всеми его грязными и подлыми уродствами будет знакомом только по книгам как печальная и фантастическая сказка». (Горький М. О кочке и точке // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 27. М.: Госиздат худ. лит-ры, 1953. С. 42).

ным оказался не столько сам «носитель наследственности», сколько способность распатать эту самую наследственность в *нужном* направлении.

Антон Семенович Макаренко является, пожалуй, одним из наиболее ярких примеров практики и технологии социального конструктивизма, в котором риторика природного и риторика социального нашли относительно гармоничное соединение. Как известно, в 1920–1932 годах Макаренко являлся руководителем сначала Трудовой колонии им. М. Горького в Полтаве, а позднее — Трудовой коммуны им. Дзержинского в Харькове. Несмотря на изначальную критику и сопротивление методам Макаренко со стороны официальных педагогических властей, его деятельность пользовалась широкой поддержкой со стороны государства. Максим Горький несколько раз посетил колонию Макаренко, отмечая «всемирно-историческое значение» работы педагога⁷⁷.

Популярность Макаренко особенно возросла после выхода в свет романов «Педагогическая поэма» и «Флаги на башнях», основанных на «колониальном» опыте педагога⁷⁸. В одном из своих наиболее популярных тек-

77 Makarenko: His Life and Work: Articles, Talks, and Reminiscences. Moscow: Foreign Language Publishing House, n.d. P. 31.

78 Анализ литературного творчества Макаренко см.: Гетманец М. А. С. Макаренко и концепция нового человека в советской литературе 20–30-х гг. Харьков: Вісша школа, 1978. Обсуждение педагогической деятельности Макаренко см., например: Hillig G. Как Макаренко открыл семью // Cahiers du Monde Russe et Sovietique. 1992. Vol. XXXIII (1). P. 83–106; Гриценко Л. Педагогические идеи А.С. Макаренко за рубежом // Педагогика. 2004. № 7. С. 76–85.

стов — «Книге для родителей» — Макаренко (собственных детей не имевший) писал в 1937 году:

...В наше время было сказано, что дети — «цветы жизни». Это хорошо. Но... «цветы жизни» надлежит представлять не в виде «роскошного» букета в китайской вазе на вашем столе. Сколько бы вы ни восторгались такими цветами, сколько бы ни ахали, эти цветы уже умирают, уже обречены, и они бесплодны. Завтра вы прикажете их просто выбросить. В лучшем случае, если вы неисправимо сентиментальны, вы засушите их в толстой книге, и после этого ваша радость станет еще более сомнительной: сколько угодно предавайтесь воспоминаниям, сколько угодно смотрите на них, перед вами будет только сено, просто сено!

Нет, наши дети вовсе не такие цветы! Наши дети цветут на живом стволе нашей жизни, это не букет, это прекрасный яблоневый сад. И этот сад — наш, здесь право собственности звучит, честное слово, очаровательно! Трудно, конечно, не любоваться этим садом, трудно ему не радоваться, но еще труднее не работать в таком саду. Будьте добры, займитесь этим делом: вскапывайте, поливайте, снимайте гусеницу, обрезайте сухие веточки... Не только аромат, не только «гаммы красок», — плоды, вот что должно вас волновать в особенной степени. И поэтому не набрасывайтесь на цветы с одними вздохами и поцелуями, возьмите в руки лопату, ножницы, лейку, достаньте лестницу...⁷⁹

Важными в данном случае являются не только буквальные текстуальные совпадения пассажей Макаренко и пассажей Лысенко, демонстрирующих легкость взаимного перехода метафорического и реалистического описания среды. Существенным, на мой взгляд, является общий подход к пониманию «природы» организма. Подход, который — следуя все той же концепции вне-находимости — позволял, становясь «активным в форме», занимать «позицию вне содержания»⁸⁰. Однако эта «формальная», внешняя, материализующая, процессуальная активность «полых людей» во многом являлась не столько формой познавательно-эстетической остраненности, акцентированной у Бахтина, сколько следствием неспособности занять позицию в еще формирующемся содержательном контексте. В итоге система «педагогического производства», способная «проектировать личность»⁸¹, была основана на уже знакомых принципах. Идею трансформации *организма* подменили практики изменения *контекста* существования этого организма. Внешние условия вновь оказались не только формирующими, но и определяющими.

В романе «Флаги на башнях» Захаров — автобиографическая проекция Макаренко — размышляет об итогах своей работы в колонии:

Со всех сторон, от всех событий в стране, от каждой печатной строки, от всего чудесного советского роста, от каждого живого советского человека — приходили в колонию идеи, требования, нормы и измерители. Да, все пришлось иначе назвать и определить, новой мерой измерять. Десятки и сотни мальчиков и девочек вовсе не были дикими зверенышами, не были они и биологическими индивидами. Захаров теперь знал их силы и поэтому мог без страха стоять перед ними с большим политическим требованием: будьте настоящими людьми!⁸²

79 Макаренко А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1971. Т. 4. С. 16, 21.

80 Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 33, 59, 58, 64.

81 Макаренко А.С. Проектировать лучшее в человеке... С. 43.

82 Макаренко А.С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. С. 140.

Абсолютно уверенный в силе своей методики коллективного воспитания, Захаров решается провести «опыт, в успехе которого он не сомневался». В течение двух дней в колонию поступило 50 новеньких беспризорников, подобранных на вокзалах и снятых с поездов. Вот как описывает Макаренко-Захаров превращение этих «диких зверенышей» и «биологических индивидов» в «настоящих людей»:

...Это были классические фигуры в клифтах, все они казались броне-тами, и пахло от них всеми запахами «социальной запущенности». ...То, что произошло дальше, Захаров называл «методом взрыва», а колонисты определяли проще: «пой с нами, крошка».

Колония встретила новеньких на вокзальной площади, окруженная тысячами зрителей, встретила блестящим парадом, строгими линиями развернутого строя, шелестом знамен и громом салюта «новым товарищам». Польщенные и застенчивые, придерживая руками беспомощные полы клифтов, новенькие заняли назначенное для них место между третьим и четвертым взводами. Колония прошла через город. На привычном фоне первомайцев новенькие и на себя и на других производили сильное впечатление. На тротуарах роняли слезы женщины и корреспонденты газет.

Дома, после бани и стрижки, одетые в форменное платье, румяные, смущенные до глубины своей юной души и общим вниманием и увлекательной придирчивостью дисциплины, новенькие подверглись еще одному взрыву. На асфальтовой площадке, среди цветников, были сложены в большой куче их «костюмы для путешествий». Политое из бутылки керосином, «баракло» это горело буйным, дымным костром, а потом пришел Миша Гонтарь с веником и ведром и начисто смел жирный, мохнатый пепел, подмаргивая хитро ближайшему новенькому: — Вся твоя биография сгорела!⁸³

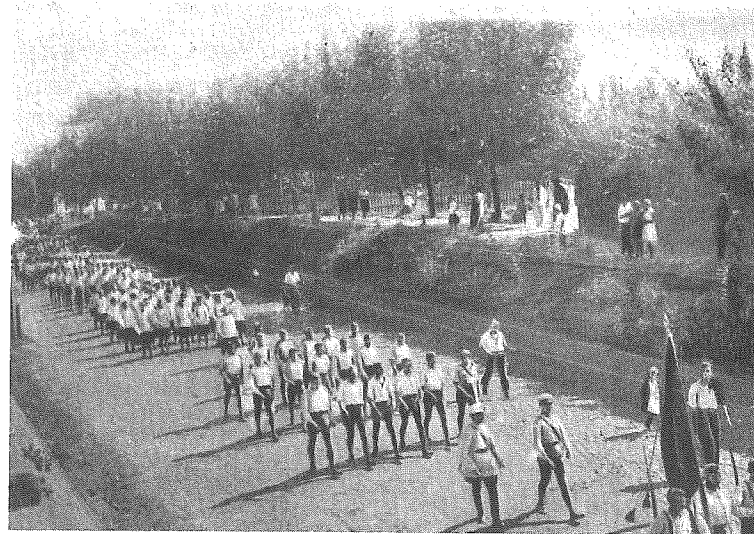

Рис. 10. «Пой с нами, крошка». Колонисты на параде в г. Сочи. 1931 г. (Макаренко А.С. Сочинения: В 7 т. Т. 1. М.: Изд-во Академии педнаук РСФСР, 1950).

83 Там же.

Несколько моментов важны в описании этой «дезорентирующей ориентации» (*dislocating localization*)⁸⁴. Прежде всего эффективность и эффективность метода взрыва, превращающего «новеньких» в «новых товарищей», во многом определяется способностью строго выдерживать базовую оппозицию двух *внешних* форм: «блестящий парад» / «социальная запущенность», «строгие линии» / «беспомощные новенькие» и т.п. В результате процесс идентификации «новеньких» и «желаемой модели» оказывается смещен — трансформация отношений между людьми выступает как трансформация одежды (клифты — форменное платье — сожженные костюмы для путешествий). Дестабилизация, расшатывание идентичности оказывается функцией метонимии: контроль над личностью становится синонимичным контролю над ее принадлежностями.

Акт сожжения биографий — отраженный в воспоминаниях колонистов⁸⁵ — призван выполнять и еще одну контролирующую функцию. Макаренко отмечал в одном из своих документов:

...в нашей коммуне никто никогда не вспоминает своего прошлого, в коллективе положительно запрещено его касаться, как в разговорах, так и в официальных вопросах. Мы совершенно сознательно отказались от всякого учета и всякой регистрации преступных элементов прошлого, и благодаря всему этому оно у нас уничтожено до конца. Его просто нет. Наши коммунары буквально не тратят на свое прошлое ни одной минуты своей жизни. И я этим горжусь⁸⁶.

Важным в этом описании управляемого взрыва является и его театрализованный характер. Факту собственно инициации предшествует демонстративное стирание грани между посвященными и посвящаемыми в виде показательного и показательного единства, ориентированного на публику («женщины и корреспонденты газет»). Инкорпорация «новеньких» в рамки общей картины и является принципиальной функцией этого «взрывного» спектакля: прежде всего путем их пространственной локализации — между третьим и четвертым взводами.

На мой взгляд, именно сквозь призму вот этого слияния индивида с его местоположенностью, слияние субъекта с его позицией и необходимо рассматривать последующие ритуалы трансформирующей мимикрии (баня — стрижка — униформа). Мимикрии, суть которой, как отмечал Жак Лакан, не в «вопросе слияния с фоном, но в вопросе обретения пятен на их фоне»⁸⁷. Иными словами, речь в данном случае идет не о процессе адаптации, но о том, что при помощи «обретения пятен» становятся возможными и обретение определенной субъектной позиции, и определенная локализация в рамках исторически доступной «гаммы красок»⁸⁸.

84 Agamben J. Homo Sacer... P. 175. О местоположенности см.: Ушакин С. Место-имени-я: семья как способ организации жизни // Семейные узы: модели для сборки / Под ред. С. Ушакина. М.: НЛЮ, 2004. Т. 1. С. 7–54.

85 См.: Удивительный человецище. Воспоминания об А.С. Макаренко. Харьков: Харьковское книжное изд-во, 1959. С. 14.

86 Макаренко А. Собр. соч.: В 7 т. Т. 7. М.: Издательство Академии педагогических наук, 1960. С. 247.

87 Lacan J. The Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis. N.Y.: W.W. Norton & Company, 1981. P. 99.

88 Подробнее о мимикрии в позднем советском обществе см.: Oushakine S. The Terrifying Mimicry of Samizdat // Public Culture. 2001. Vol. 13 (2). P. 191–214.

Показательно, как формировались способы обретения этой гаммы. Описывая свою версию «метода ментора» для коллективов с «расшатанной наследственностью», Макаренко писал: «Я позволил себе выставить несомненное для меня утверждение, что, пока не создан коллектив и органы коллектива, пока нет традиций и не воспитаны первичные трудовые и бытовые навыки, воспитатель имеет право и должен не отказываться от принуждения. <...> Я требовал воспитания закаленного, крепкого человека, могущего проделывать неприятную и скучную работу, если она вызывается интересами коллектива»⁸⁹.

Проблемы принуждения и — шире — дисциплины и насилия, традиционно ассоциируемые с педагогикой Макаренко, однако, имели вполне конкретное происхождение. И литературные тексты Макаренко, и его педагогические записи содержат постоянно повторяющиеся фразы о том, что основной проблемой советской школы является не низкая дисциплина и не плохая успеваемость учащихся, но «отсутствие определенного тона и стиля, отсутствие традиций и неясность вопроса о нормах»⁹⁰. Или:

Меня возмущала безобразно организованная педагогическая техника и мое техническое бессилие. И я с отвращением и злостью думал о педагогической науке: «Сколько тысяч лет она существует! Какие имена, какие блестящие мысли: Песталоцци, Руссо, Наторп, Блонский! Сколько книг, сколько бумаги, сколько славы! А в то же время пустое место, ничего нет, с одним хулиганом нельзя управиться, нет ни метода, ни инструмента, ни логики, просто ничего нет. Какое-то шарлатанство»⁹¹.

Собственно, итогом этого нормативного вакуума и стали военизированные ритуалы — периодические занятия гимнастикой и военным делом стали регулярными: «Я знал только военный строй и военную гимнастику, знал только то, что относится к боевому участку роты. Без всяких размышлений и без единой педагогической судороги я занял ребят упражнениями во всех этих полезных вещах»⁹². Вскоре стали появляться и первые признаки трансформирующей мимикрии:

Совершенно изменился облик колониста: он стал стройнее и тоньше, перестал валиться на стол и на стену, мог спокойно и свободно держаться без подпорок. Уже новенький колонист стал заметно отличаться от старого. И походка ребят сделалась увереннее и пружиннее, и голову они стали носить выше, забыли привычку засовывать руки в карманы. В свое увлечение военным строем колонисты много внесли и придумали сами, используя свои естественные мальчишеские симпатии к морскому и боевому быту. В это именно время было введено в колонии правило: на всякое приказание как знак всякого утверждения и согласия, отвечать словом «есть», подчеркивая этот прекрасный ответ взмахом пионерского салюта. В это время в колонии завелись и трупы⁹³.

Этот процесс «морфологической мимикрии», эта «телепластика»⁹⁴, направленная на нормализацию тел, на превращение элементов «социальной запущенности» в различимые и поддающиеся учету «единицы», привели к сле-

89 Макаренко А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. С. 125.

90 Там же. Т. 7. С. 387.

91 Там же. Т. 1. С. 103.

92 Там же. С. 182.

93 Там же.

94 Подробнее о морфологической мимикрии и телепластике см.: Кайца Р. Миф и человек... С. 92–93.

дующему дисциплинарному шагу. «Запятнанные» тела стали логической основой для создания большей картины — путем их очередного встраивания в жесткую социальную структуру. На этот раз структура пришла в форме «отрядов» и «командиров». Как писал Макаренко в своей «Педагогической поэме»: «Каждый колонист знал свой постоянный отряд, имеющий своего постоянного командира, определенное место в системе мастерских, место в спальне и место в столовой... Благодаря именно этому наша колония отличалась для любой задачи...»⁹⁵ Многообразие контролируемых социальных позиций, в свою очередь, определило и еще одно качество «колониальной» идентичности — способность к ориентировке, способность «почти бессознательно ощущать, что кругом происходит». Способность к ориентировке, однако, не означает умение «приспособляться и подделываться». Речь идет о навыке «ощущать, в каком месте коллектива ты находишься и какие твои обязанности по отношению к поведению из этого вытекают»⁹⁶.

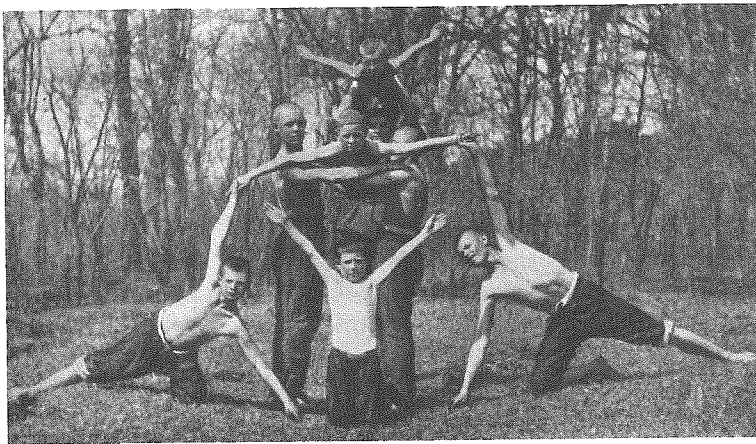

Рис. 11. Способность к ориентировке: «Тот визг и крик, который часто бывает в детском коллективе, — это, прежде всего, полное отсутствие ориентировки, ощущение только себя и своего движения. А настоящий советский гражданин должен всеми своими нервами почти бессознательно ощущать, что кругом происходит». (Макаренко А.С. «Проектировать лучшее в человеке...» Минск: Изд-во «Университетское», 1989. С. 263). Макаренко, сделавший это фото, назвал его «Вольные движения». Середина 1920-х гг. (Макаренко А.С. Сочинения: В 7 т. Т. 1. М.: Изд-во Академии педнаук РСФСР, 1950).

95 Макаренко А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. С. 203. Любопытно, как Макаренко формулирует эту основополагающую и определяющую для ранней советской риторики тему фона, который, собственно, и делает очертания индивиду отчетливыми: «Вот стол. Можно положить клеенку — хорошо, гигиенично, можно что угодно положить, а потом вымыл и чисто. Нет, только белая скатерть может научить есть аккуратно, а клеенка — развращение. Скатерть в первые дни всегда будет грязная, вся в пятнах, а через полгода она станет чистой. Невозможно воспитать умение аккуратно есть, если вы не дадите белой скатерти» (Макаренко А. Проектировать лучшее в человеке... С. 269). О конституирующей роли фона см.: Ушакин С. «Человек рода он»: футляры мужественности // Вопросы философии. 2005. № 3 (в печати).

96 Макаренко А. Проектировать лучшее в человеке... С. 263. См. подробнее: Бычков Д. Пространство (без) семьи // Семейные узы: модели для сборки / Ред. С. Ушакин. М.: НЛО, 2004. Т. 2. С. 103–145.

На фоне этих дебатов о социальной сконструированности природы, наследственности и личности семья казалась лишь одним из многих — и далеко не самым эффективным — способов формирования человека. Вновь и вновь «новый быт» новых людей воспринимался как несовместимый с тем, что Макаренко называл в 1929 году «фетишизмом семьи»⁹⁷. Соответственно, менялось и понимание «умелого воспитания»: «Уже и теперь очень активно перед нами встает вопрос о новом быте, а новый быт первым делом требует лишить семью права прибегать к кустарному воспитанию ребенка»:

Только детский дом, наполненный здоровым детством, знающим, что где-то на фабрике работают отец и мать, имеющим с ними связь и не лишенным ласки матери и заботы отца, только такой детский дом будет настоящим советским соцвосом, потому что в нем объединятся как воспитательные деятели и государство, и новая семья, и совершенно новый деятель — ребячий производственный, и образовательный, и коммунистический первичный коллектив. И такой детский дом не только необходим, но и неизбежен, и самое главное, вполне возможен. Правильно организованный и оборудованный детский дом, дающий ребенку несравненно больше того, что способна дать самая лучшая семья, в то же время представляет собой производственную организацию⁹⁸.

Обсуждение работ Макаренко, на мой взгляд, позволяет в определенной степени совместить те дискурсивные стратегии, с помощью которых артикулировались и формировались новый советский строй и новый советский человек. Как я пытался показать, производство разнообразных конфигураций защитного слоя «второй природы» — будь то новые заводы-крепости Горького, контролируемые условия экспериментов Лысенко или дисциплинирующие отряды Макаренко — во многом определялось ситуацией нормативного вакуума, вызванного фрагментацией и распадом прежних связей, отношений и обязанностей, распадом того самого быта, который «отстал». В этих условиях акцент на действии, движении и процессе был призван символически оформить и структурировать пока еще бессюжетную прозу новой жизни. Озабоченность материальностью и объектностью внешнего мира, типичная для современности в целом, в данном случае совпала со стремлением нового субъекта исторической деятельности обрести свое признание и свою местоположенность. Или, чуть в иной форме: «воля к норме», испытываемая «новыми людьми»⁹⁹, чья индивидуальная лиминальность пришлась на период лиминальности общества, нашла выход в жестких ритуалах производственной дисциплины, а неудача опытов по «разогреванию мороженого» личной жизни — в разнообразных формах общественной активности.

Логика встраивания, способность «узнать» свое постоянное место в мастерских, спальне и столовой, — эта логика, используя терминологию Лысенко, исторического приспособления к внешним условиям во многом определяла процессуальную сущность «полых людей», формировавшихся в начале советского времени. Суть успешного «развития» во многом сво-

97 Макаренко А. Педагогические соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1983. С. 114.

98 Макаренко А. Собр. соч.: В 7 т. Т. 7. С. 384–385.

99 Козлова Н. Согласие, или Общая игра (методологические размышления о литературе и власти) // НЛО. 1999. № 40. С. 198.

дилась к двухступенчатому подходу: резкий разрыв с прошлым компенсировался активным погружением в новые условия. При помощи постоянной модификации внешнего мира, при помощи постоянного производства и воспроизводства значимых позиций и мест (в мастерских, спальне, столовой, в колхозе, на полюсе, в Комсомольске) «полые люди» смогли добиться необходимого эффекта социальной узнаваемости. «Становясь пятнистым» на пятнистом фоне, то есть при помощи неустанной инкорпорации постоянно меняющихся условий существования, советский субъект обрел место в формирующемся социальном контексте.

Рис. 12. Могила А.С. Макаренко на Новодевичьем кладбище, Москва, 2003 г. Фото автора.

Коллапс социальной рутины и распад сложившихся моделей социализации и общественных отношений во многом привели к тому, что невозможность сформулировать и сформировать нормативную модель социальной идентичности проявилась в определенном дискурсивном сдвиге — с идеи формирования нового человека к идее строительства новых условий, в которых новый человек со временем может появиться. Строительство, осуществленного «пластичными организмами» с «расптанной наследственностью» и «сожженными биографиями».